

Измаил Срезневский

**Материалы для словаря древне-русского
языка**

Том 1. А-К

УДК 304
ББК 60.5
ИЗ7

ИЗ7 **Измаил Срезневский**
Материалы для словаря древне-русского языка: Том 1. А-К / Измаил Срезневский – М.: Книга по Требованию, 2024. – 776 с.

ISBN 978-5-458-02017-6

ISBN 978-5-458-02017-6

© Издание на русском языке, оформление
«УОУО Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

МАТЕРІАЛЫ

ДЛЯ

СЛОВАРЯ ДРЕВНЕ-РУССКАГО ЯЗЫК.

ПО

ПИСЬМЕННЫМЪ ПАМЯТНИКАМЪ.

ТРУДЪ

И. И. СРЕЗНЕВСКАГО.

ИЗДАНИЕ ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

А — К.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 л., № 12.

1893.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.

С.-Петербургъ, Сентябрь 1893 г.

И. д. Непремѣннаго Секретаря, Академикъ *Н. Дубошинъ*.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

„Словарь древняго Русскаго языка“, вѣриѣ „Словарь Русскаго языка книжнаго и народнаго по древнимъ памятникамъ“, представляетъ собою трудъ всей второй половины жизни И. И. Срезневскаго, начиная съ его переѣзда изъ Харькова въ С.-Петербургъ (1847 г.) до послѣднихъ дней 1879 года и начала 1880 года, когда онъ работалъ надъ выписками изъ драгоцѣннаго памятника XIV вѣка — Пятикнижія Моисеева.

Словарныя работы Измаила Ивановича и въ самомъ началѣ и позже шли исподволь, не нарушая другихъ занятій и не выдѣляясь изъ работъ по изслѣдованію памятниковъ Русской письменности, а скорѣе лишь помогая имъ, способствуя болѣе тщательному изученію языка памятника. „Свободное время отъ обязанностей служебныхъ“, говоритъ Измаиль Ивановичъ въ одной ненапечатанной замѣткѣ, „я посвящаю собиранію матеріаловъ 1) для палеографическаго обозрѣнія памятниковъ древней Русской письменности и 2) для Русскаго словаря, преимущественно по этимъ памятникамъ. Тотъ и другой трудъ идетъ медленно и, какъ всякому понятно, одинъ отъ другого въ зависимости“. Первоначально были составлены словари къ отдѣльнымъ произведеніямъ древней литературы, напр. къ „Житію Бориса и Глѣба“, или къ отдѣльнымъ изданіямъ памятниковъ, каковы краткіе словари къ Актамъ юридическимъ, Актамъ Археографической экспедиціи (т. I), Русскимъ достопамятностямъ (т. I), — или союкупно къ цѣлому ряду памятниковъ близкихъ по содержанію, каковъ довольно подробный словарь къ грамотамъ. Подобныя работы Измаиль Ивановичъ поручалъ также своимъ слушателямъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ и въ Педагогическомъ институтѣ; такимъ образомъ были составлены словари къ Синодальному списку „Русской правды“, къ „Слову Даніила заточника“, къ „Псковской судной грамотѣ“ и многіе другіе; таково же происхожденіе напечатанныхъ въ Извѣстіяхъ Академіи Наукъ словарей А. Н. Пыпина къ Новгородской лѣтописи, Н. Г. Чернышевскаго къ лѣтописи Ипатьевской, П. А. Лавровскаго къ Новгородскимъ и Псковскимъ лѣтописямъ и др. Вызывая на подобныя труды своихъ слушателей, Измаиль

Ивановичъ несомнѣнно вліялъ въ томъ же направленіи и на лицъ, выступившихъ уже на ученое поприще; результатомъ такихъ вліяній были, между прочимъ, работы преосвященнаго Амфилохія. Надо добавить къ сказанному, что, поощряя своихъ учениковъ и другихъ лицъ къ словарнымъ занятіямъ, Измаиль Ивановичъ съ полною готовностію и радостию предоставлялъ ученымъ пользоваться для ихъ работъ собранными имъ словарными матеріалами; въ числѣ такихъ лицъ были между прочимъ гг. Н. Я. Аристовъ, А. С. Будиловичъ, А. М. Гезенъ, Л. Н. Майковъ, В. В. Макушевъ, Е. Ѳ. Фортунатовъ и многіе другіе.

Въ словарныхъ работахъ Измаила Ивановича въ первое время нельзя отмѣтить какой нибудь системы, какъ въ отношеніи объема словаря по времени написанія памятниковъ, такъ и по принадлежности ихъ древне-Русскому или Церковнославянскому языку; не только система, но даже способъ выписыванья словъ изъ памятниковъ не были опредѣлены. Работа надъ словаремъ, составитель его предполагалъ ввести въ него и слова изъ современнаго языка, какъ это видно изъ одной ненапечатанной его замѣтки. Въ этой замѣткѣ была впервые высказана мысль о словарѣ, какъ о чемъ-то цѣломъ (1850-е года). Въ 1860-хъ гг. работа надъ словаремъ (еще словаремъ Русскаго языка, а не исключительно древне-Русскаго) получила сильное движеніе впередъ: „разработка матеріаловъ для словаря Русскаго языка“, говорится въ ненапечатанной краткой замѣткѣ Измаила Ивановича о его трудахъ (1863), стала его „главнымъ занятіемъ“; „матеріалы для словаря древняго Русскаго языка“, говорится въ той же замѣткѣ, „уже приготовлены, матеріалы для словаря основныхъ словъ Русскаго языка почти всѣ собраны“¹⁾. Къ концу 1860-хъ гг. планъ словарной работы, составъ, содержаніе и система словаря уже были опредѣлены Измаиломъ Ивановичемъ болѣе или менѣе точно. Очеркъ всей этой работы мы находимъ въ его запискѣ, представленной имъ, вмѣстѣ съ рукописью начала Словаря, въ засѣданіи Второго Отдѣленія Академіи Наукъ 28 апрѣля 1866 г.

„Русскій языкъ въ своемъ составѣ, насколько онъ извѣстенъ съ древнѣйшаго времени“, говорится въ этой запискѣ, „представляетъ три порядка словъ: 1) слова, бывшія въ употребленіи издревле и частью *только* въ древности, 2) слова, вошедшія въ употребленіе не ранѣе XIV—XV вѣка или и позже, до начала XVIII вѣка частью, и бывшія въ употребленіи *только* въ это время, 3) слова, вошедшія въ употребленіе въ послѣдніе полтора вѣка.

„Изъ всѣхъ этихъ словъ одни искони должны были принадлежать народу, другія были достояніемъ книжнаго употребленія и только частію переходили въ общенародное употребленіе. Изъ тѣхъ и другихъ наиболѣе важны: 1) слова, выражающія такъ или иначе бытъ народный, и 2) слова, изображающія отвлеченныя или научныя понятія и представленія. Не только изслѣдователю языка и словесности, но и историку и археологу любопытно, а иногда и важно знать, съ какого времени и какъ тѣ или другія слова этихъ двухъ отдѣловъ вошли въ употребленіе, и какъ долго удерживались, если не остались принадлежностью нынѣшняго языка.

„На эти слова я обращалъ особенное вниманіе, собирая матеріалы для словаря Русскаго языка. Я не упускалъ изъ виду ни одного такого слова, гдѣ бы оно мнѣ не встрѣтилось; но многія занесъ на свои листки только случайно, не воспользовавшись вполнѣ тѣмъ источни-

1) Ср. Отчетъ Имп. Академіи Наукъ по Отдѣленію Русскаго языка и словесности за 1861 г., сост. Никитенко, стр. 61—62.

комъ, изъ котораго ихъ занялъ. Памятниками XV—XVIII вѣковъ я пользовался всего болѣе для объясненія словъ нынѣ употребительныхъ. Только изъ памятниковъ XI—XIV вѣда (Русскаго письма) я старался выбрать все слова безъ исключенія и вмѣстѣ съ словами все, что можетъ годиться для ихъ объясненія.

„Вслѣдствіе этого словарный запасъ, мною собранный по Русскому языку, можетъ быть всего правильнѣе раздѣленъ на двѣ части:

„1) Словарь Русскаго языка по древнимъ памятникамъ, 2) Словарь Русскаго языка, съ указаніями на памятники прошедшаго времени.

„Отбирая отдѣльно листки со словами, принадлежащими къ этой второй части, я занялся перепиской первой части, т. е. словаря по древнимъ памятникамъ. . .

„Данныя, вошедшія въ мой словарь, извлечены изъ всехъ памятниковъ нашей древности, дошедшихъ до насъ въ подлинникѣ или въ спискахъ. Собственно Русскіе памятники, насколько они нынѣ извѣстны, — летописи, грамоты, уставы, посланія, слова, сказанія, житія святыхъ, записи и написи, — собраны мною для словаря все безъ исключенія. Памятники Славяно-Русской церковной письменности также изслѣдованы мною въ словарномъ отношеніи, но еще не все. Памятники не прочитанные я продолжаю изучать одни за другими и постоянно увеличиваю мой запасъ. Не смѣю думать о совершенной полнотѣ моего труда; тѣмъ не менѣе хотѣлось бы достигнуть всего по моимъ силамъ и средствамъ возможнаго“¹⁾.

Изъ этой записки видно, что въ 1866 году планъ Словаря отчасти опредѣлился. Нѣкоторыя измѣненія произошли во время печатанія пробныхъ листовъ, благодаря обсужденіямъ и замѣчаніямъ сочленовъ Измаила Ивановича по Академіи и нѣкоторыхъ постороннихъ ученыхъ, знаніе и опытность которыхъ наиболѣе имъ цѣнились. Замѣчанія этихъ лицъ, во многомъ интересныя, сохранились на корректурныхъ листахъ словаря, напечатанныхъ въ 1866—68 г.²⁾ Печатаніе словаря, какъ извѣстно, остановилось на первомъ же листѣ вслѣдствіе того, что Измаиль Ивановичъ нашелъ нужнымъ включить въ свой словарь словарный матеріалъ изъ нѣсколькихъ памятниковъ древней письменности, дотолѣ имъ неизслѣдованныхъ. Такимъ образомъ дѣло было отложено. Черезъ нѣсколько времени — въ концѣ 1860-хъ или въ началѣ 1870-хъ гг. — Измаиломъ Ивановичемъ была сдѣлана новая проба печатанія Словаря для выбора его внѣшняго вида, шрифта, формата и т. п. Не смотря на двукратный приступъ къ печатанью Измаиль Ивановичъ заявлялъ въ 1869 году на первомъ Археологическомъ съѣздѣ въ Москвѣ, что онъ еще „недостаточно опредѣлилъ для себя самый планъ труда“, такъ какъ постепенно „расширяетъ его рамку“³⁾. Однако въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ система въ это время уже выработалась, и при сравненіи нынѣшняго изданія Словаря съ корректурными листами 1860-хъ гг. нельзя замѣтить ощутительной разницы въ общихъ чертахъ и планѣ. Въ это время, между прочимъ, окончательно опредѣлился довольно разнообразный дотолѣ способъ выписыванія словъ; въ 1869 г. на Московскомъ Археологическомъ съѣздѣ Измаиломъ Ивановичемъ было высказано предположеніе выписывать фразу, въ которой встрѣчается приводимое слово, въ полной и опредѣленной формѣ и никогда не дѣлать „глухихъ

1) Сборникъ статей, читанныхъ въ Отдѣленіи Русскаго языка и словесности Имп. Акад. Наукъ, т. I, стр. V—VII.

2) Замѣтки на корректурныхъ листахъ принадлежатъ преемв. Амфилохію, К. Н. Вестужеву-Рюмину, А. Ф. Бичкову, Я. К. Гроту и П. И. Саввантову.

3) Труды перваго Археологическаго съѣзда въ Москвѣ, т. I, стр. СXXXIV.

ссылкъ"; при этомъ Измаилъ Ивановичъ руководствовался слѣдующими основаніями: если слово употреблено въ памятникѣ только въ одномъ смыслѣ, то, хотя бы оно и нѣсколько разъ повторялось въ одномъ и томъ же памятникѣ, надо выбирать только то мѣсто, въ которомъ смыслъ слова какъ можно рѣзче выражается; напротивъ, если слово употребляется съ разными оттѣнками, надо дѣлать нѣсколько выписокъ изъ одного памятника, чтобы указать разные оттѣнки въ значеніяхъ того же самаго слова¹⁾. Дальнѣйшій вопросъ, представлявшійся Измаилу Ивановичу при первоначальной работѣ касательно выписки словъ изъ памятниковъ, заключался въ томъ, какія слова выписывать, — всѣ ли, или не всѣ. Этотъ вопросъ онъ разрѣшилъ такимъ образомъ (1869 г.):

„Можно имѣть въ виду“, говоритъ онъ, „два отдѣльные рода словъ: или слова преимущественно рѣдкія и не часто встрѣчающіяся, но любопытныя для филолога и изслѣдователя, или слова обыкновенныя. Такъ, слово изгой, древне-Русское слово, не встрѣчающееся въ тѣхъ памятникахъ Церковнославянскихъ, которые не имѣютъ никакого отношенія къ Русскимъ. Конечно, при разсмотрѣніи такого любопытнаго слова, нельзя упустить ни одного мѣста, гдѣ оно упоминается. Но на такія ли только любопытныя слова долженъ обращать вниманіе изслѣдователь языка или составитель словаря? На такія слова многіе уже обращали вниманіе, и, если будетъ обращено вниманіе только на такія слова, то конечно словарь представитъ безспорно любопытный матеріалъ, но онъ не будетъ словаремъ, который сообщилъ бы понятіе объ образованности, о жизни и характерѣ народа. Всякому филологу извѣстно, что для того чтобы говорить даже краснорѣчиво о всѣхъ предметахъ обыкновеннаго разговора, нужно очень немного словъ — отъ 2 до 3 тысячъ. Если будемъ сравнивать писателей, то увидимъ между ними большую разницу, и именно по степени ихъ образованности, ихъ вниманія къ собственной мысли и ихъ желанія выражаться какъ можно яснѣе. Не только писатели, но есть конечно и такіе народы, которые пользуются очень незначительнымъ количествомъ словъ, положимъ тысячами двумя; даже есть такіе, которые довольствуются одною тысячею; но есть другіе писатели и другіе народы, которые желаютъ выразить все опредѣлительно и очевидно, такъ что имъ двухъ тысячъ словъ недостаточно. Какъ у человѣка это зависитъ отъ его характера, отъ степени его образованности, такъ и у народа это одинаково зависитъ отъ его характера и отъ степени его развитія. Если въ словарь мы увидимъ массу словъ обычныхъ, постоянно употребляемыхъ и встрѣчающихся во всѣхъ памятникахъ, то можемъ ли мы считать этотъ отдѣлъ словъ такою же принадлежностью языка самого народа, какою считаемъ слова того или другого писателя, который ихъ употребляетъ постоянно, какъ свою неотъемлемую собственность? По количеству этихъ словъ можно судить о степени образованности и о характерѣ народа. Потому встрѣчаются другія обстоятельства, не менѣе важныя: народные обычаи и понятія народа. Всякое слово есть представитель вещи, или осязаемой, или вещи, умомъ представляемой, умственнаго предмета. Что касается до словъ перваго рода, до тѣхъ, которыя выражаютъ вещь, какъ она есть, предметъ, какъ онъ существуетъ, его качества, дѣйствія, которыя мы производимъ на него, или которыя онъ самъ производитъ, то всѣ эти слова совокупно изобразятъ внѣшнюю жизнь народа. Если обратитъ вниманіе на слова втораго рода, которыя касаются ума, то въ нихъ представится умственная и нравственная жизнь народа. Со многими изъ словъ этого втораго разряда соединены очень своеобразныя возрѣ-

1) Труды перваго Археологическаго съѣзда въ Москвѣ, т. I, стр. СХХХVII.

нѣя народа, такъ что составитель словаря, который будетъ знакомиться съ значеніемъ этихъ словъ въ языкѣ народа, долженъ останавливаться на такихъ мѣстахъ въ его памятникахъ, которыя содержатъ всѣ оттѣнки различныхъ значеній этихъ словъ. Возьмемъ такое простое слово, какъ слово Богъ, т. е. простое потому, что оно принадлежитъ каждому человѣку и каждому народу. Если мы соберемъ все, что представляютъ намъ памятники нашей древности, нашей народной мысли о Богѣ, то мы получимъ возрѣніе древне-Русскаго народа о Богѣ, частью совершенно нехристіанское, языческое, а частью и совершенно христіанское. Такимъ образомъ изъ систематическихъ сообщеній о всѣхъ словахъ подобнаго рода представится философія народа въ хронологическомъ порядкѣ. Но возвращаясь къ словамъ пераго отдѣла, т. е. къ предметамъ вещественнымъ, къ ихъ качествамъ и дѣйствіямъ, которыя относятся преимущественно къ обычаямъ народа, къ его жизни, такъ сказать, вещественной, нужно узнать, когда, они употребляются, и, поступая съ ними какъ съ словами отвлеченныхъ понятій, опредѣлять съ точностью ихъ значеніе, на сколько это возможно, выписками изъ самихъ памятниковъ, гдѣ эти слова употребляются. При недостаткѣ памятниковъ для точнаго уясненія значенія слова, можно по необходимости прибѣгнуть къ соображеніямъ. Наконецъ въ словарь должно внести значительное количество словъ первообразныхъ, производныхъ и сложныхъ. Изъ сложныхъ и производныхъ словъ есть дѣйствительно такія, которыя достойны вниманія, или какъ предметъ археологіи, или какъ предметъ физиологіи древне-Русскаго народа¹⁾.

Таковы были предположенія Измаила Ивановича относительно вступительной работы къ словарю, относительно того, что выписывать изъ памятниковъ и какъ выписывать. Слѣдующій вопросъ, разрѣшеніе котораго представлялось наиболѣе затруднительнымъ Измаилу Ивановичу, заключался въ систематизаціи, т. е. въ выдѣленіи изъ всего громаднаго словарнаго матеріала, относившагося не только къ Русскому, древне-Русскому и Церковнославянскому, но и къ ино-Славянскимъ языкамъ, того, что представляло собою исключительно языкъ Русскаго народа до XIV—XV вѣка. Имѣя въ виду именно такое выдѣленіе, составитель словаря предполагалъ дать своему труду названіе „Словаря народнаго и церковнаго языка“, или „Словаря книжнаго и народнаго языка по древнимъ памятникамъ Русскаго письма“, или „Словаря древне-Русскаго языка“. Послѣднее названіе Измаилъ Ивановичъ, надо думать, понималъ не въ смыслѣ только возможно полнаго запаса словъ и реченій живаго, народнаго языка древней Руси, но вмѣстѣ съ тѣмъ совокупности всѣхъ словъ и выраженій языка Церковнославянскаго, усвоенныхъ и распространенныхъ среди образованнаго класса древней Руси, среди Русскихъ книжныхъ людей X—XV вв.

„Древне-Русскій языкъ“, говорится въ запискѣ, прочитанной Измаиломъ Ивановичемъ на первомъ Археологическомъ съѣздѣ, „безъ сомнѣнія отличается отъ такъ называемаго Церковнославянскаго; но трудно отдѣлить эти языки одинъ отъ другого, какъ напримѣръ позволилъ себѣ одинъ изъ писателей Сербскихъ, составляя словарь древне-Сербскаго языка, отдѣлить его отъ Церковнославянскаго. Такое отдѣленіе настолько же невозможно, какъ невозможно нашъ теперешній Русскій языкъ, который употребляется въ разговорѣ, въ книгахъ, въ дипломатическихъ бумагахъ, отдѣлить отъ простонароднаго Русскаго языка. Еще въ нынѣшнее время, имѣя въ виду два условія — необразованіе и образованіе, мы можемъ по крайней мѣрѣ положить границу между языкомъ съ одной стороны людей необразованныхъ, съ другой — книж-

¹⁾ Труды перваго Археологическаго съѣзда въ Москвѣ (М. 1871), т. I, стр. СХХХVI—СХХХVII.

нымъ языкомъ людей, которые пользуются разными другими языками и исторически образованы. Тутъ есть возможность положительнаго отдѣленія. Но въ давнее время, какъ кажется, невозможно проложить такую механическую границу, хотя существуетъ, такъ сказать, рутинное средство для этого; на примѣръ слово благо есть Славянское слово, а слово добро — Русское. Такими внѣшними качествами можно руководствоваться, чтобы опредѣлить нѣсколько сотенъ, можетъ быть, нѣсколько тысячъ словъ; но говоря: это слово — Славянское, а это — Русское, рискуешь принять за Славянское то, что есть обще-Славянское, а не Церковнославянское, которое сдѣлалось нашею собственностью вмѣстѣ съ христіанствомъ. А если въ формѣ словъ нѣтъ никакихъ признаковъ особенности, то вопросъ дѣлается чрезвычайно затруднительнымъ. Есть нѣкоторыя окончанія словъ, которыя въ народномъ языкѣ менѣе обычны, на примѣръ на ство, на ость, на ше; но и тутъ опять является механическое отдѣленіе. Почему же предполагать, что въ простонародномъ языкѣ, т. е. въ народномъ Русскомъ языкѣ, эти окончанія въ то время не были обычны? Они, какъ Славянскія окончанія и бывшія обычными, могли же быть обычными и въ Русскомъ? Изъ всего этого видно, что нельзя составлять словаря Русскаго языка только народнаго, а нужно, вмѣстѣ съ тѣмъ, составлять и словарь книжнаго языка — слѣдовательно всѣхъ словъ, которыя можно прослѣдить въ памятникахъ. Что же касается самыхъ памятниковъ, то тутъ надо обращать вниманіе на всѣ различные ихъ роды. Безъ сомнѣнія значительное количество ихъ принадлежитъ къ памятникамъ, которые намъ достались отъ южныхъ Славянъ, употреблявшихъ Славянскій языкъ, и къ которымъ сдѣланы дополненія у насъ на Руси. Эти дополненія бываютъ двухъ родовъ: одни суть переводы съ Греческаго, другія — Русскія произведенія, которыя написаны по примѣру Греческихъ. Такъ, даже въ числѣ памятниковъ чисто церковной литературы, мы встречаемъ такія подражанія, которыя суть подражанія и по языку, и по мысли. Къ числу такихъ подражаній принадлежатъ нѣкоторыя изъ стихирарей, изъ канонровъ, изъ житій святыхъ. Можно указать на образцы, на оригиналы, съ которыхъ они списаны, или которымъ подражали Русскіе авторы этихъ произведеній; на нихъ еще мало обращали вниманіе знатоки нашей Славянской письменности. Многое въ этихъ произведеніяхъ указываетъ ясно на подражаніе, и даже, можетъ быть, въ самыхъ нашихъ лѣтописяхъ найдутся такія же подражанія; но отдѣлить это отъ Русскихъ памятниковъ невозможно. Нужно брать все, что находится между памятниками Русскаго письма. Самыя лѣтописи представляютъ языкъ Русскій, почти чистый, т. е. безъ примѣси такихъ выраженій, которыя можно считать не народными Русскими, а заимствованными изъ языка Церковнославянскаго. Отдѣльныя сказанія, поэтическія сказанія о событіяхъ, къ сожалѣнію, оставшіяся у насъ въ очень небольшомъ количествѣ (только два), далѣе — записки о путешествіяхъ, затѣмъ грамоты, уставы, Правда въ разныхъ измѣненіяхъ, потомъ — разнаго рода написи, записки на вещахъ, на стѣнахъ въ храмахъ, на иконахъ, на крестахъ, на церковныхъ одеждахъ, на гривнахъ, на монетахъ и т. п., — вотъ тѣ памятники, достойные полнаго вниманія и даже иногда — большаго вниманія, чѣмъ тѣ, о которыхъ было говорено выше и которые принадлежатъ къ отдѣлу литературы другого времени“¹⁾.

Такимъ образомъ взгляды Измаила Ивановича на систематизацію собираемаго имъ словарнаго матеріала въ отношеніи языка памятниковъ къ концу 1860-хъ годовъ опредѣлились

1) Труды Археологическаго съѣзда въ Москвѣ, т. I., стр. СXXXIV—СXXXVI.

уже почти окончательно. Въ отношеніи систематизаціи того же матеріала по времени написанія памятниковъ, послужившихъ источниками словарю, предположенія его автора въ 1860-хъ гг. не были вполне установлены; лучше всего они выражаются въ той запискѣ, которую мы приводили выше и которая была прочтена Измаиломъ Ивановичемъ въ засѣданіи Отдѣленія 28 апрѣля 1866 г. Изъ нея слѣдуетъ, что матеріалами или источниками для Словаря должны служить во-первыхъ памятники Русской письменности лишь до XIV вѣка, и во-вторыхъ памятники до XIV вѣка во всемъ ихъ объемѣ. Первое положеніе наглядно выказывается въ сохранившихся тетрадяхъ словаря, представленныхъ при запискѣ, прочитанной 28 апрѣля 1866 г. Въ дальнѣйшемъ ходѣ работъ кругъ памятниковъ постепенно расширялся и захватилъ сначала XV-е столѣтіе, а затѣмъ даже XVI-е, — послѣднее, впрочемъ, только случайными выписками, по большей части вошедшими въ словарь, благодаря рецензій Измаила Ивановича на извѣстный трудъ П. И. Савваитова „Описаніе старинныхъ царскихъ утварей, одеждъ“ и пр. (С.-Пб. 1865). Это дальнѣйшее движеніе проявилось въ самомъ концѣ 1860-хъ гг., въ корректурныхъ листахъ словаря, къ печатанью котораго, какъ сказано выше, было приступлено въ это время. Расширеніе количества памятниковъ по времени продолжалось и послѣ 1860-хъ гг.; оно не шло, впрочемъ, далѣе XVI—XVII вв. Для того, чтобы показать, какъ вмѣстѣ съ движеніемъ словарной работы увеличивалось число словъ, главнымъ образомъ въ зависимости отъ принадлежности ихъ тому или другому времени, позволяемъ привести отрывокъ (стл. 15-й изд. 1890 г.):

въ тетради 1866 г.	въ корр. лист. 1866—68-го г.	въ изд. 1890 г.
аламъ	аламъ	аламъ
		алафа (XVI в.)
		алача (XVI в.)
	алачѣга (XIV в.)	алачюга
	алаоии (XI в.)	алаоии
алгатъ	алгатъ	алгатъ
		алгѣи (XIV в.)
алдига	алдига	алдига

Другой примѣръ (стл. 45—46):

пробный наборъ конца 1860-хъ или начала 1870-хъ гг.	изд. 1890 г.
батати	батати
	батманъ (XV, XVI в.)
батогаъ	батогаъ
бата	бата
	баѣсъ (XVI—XVII в.)
бахматъ (есть прим. 1608 г.)	бахматъ
башмакъ.	башмакъ.

Изъ этихъ примѣровъ очевидно расширеніе словарнаго матеріала по времени. Оно очевидно также и изъ содержанія отдѣльныхъ статей словаря въ разныхъ редакціяхъ; напр. подъ сл. баранъ въ пробномъ наборѣ 1860—1870 гг. примѣръ изъ памятника относится къ 1392 г., въ изданіи 1890-го г. — къ 1392 и 1589 г.; подъ сл. башмакъ въ пробномъ наборѣ примѣръ 1446 г., въ изданіи 1890-го г. — 1446 и 1642 г.

Въ заключеніе надо коснуться принятаго Измаиломъ Ивановичемъ способа составленія толкованій или поясненій словъ. Лучшимъ отвѣтомъ на этотъ вопросъ являются корректуры 1866—68-хъ г., послужившія образцомъ для всего изданія. Приводимое слово, какъ видно изъ корректуръ, должно быть сопровождаемо переводомъ на Латинскій и современный Русскій языкъ; въ отношеніи перевода словъ на Греческій языкъ, Измаиль Ивановичъ предполагалъ приводить переводъ большею частью лишь въ томъ случаѣ, если можно указать, что именно это слово было въ томъ подлинникѣ, съ котораго сдѣланъ переводъ на древне-Русскій или Старославянскій языкъ¹⁾. Отдѣльные примѣры на слова было предположено Измаиломъ Ивановичемъ располагать въ хронологическомъ порядкѣ источниковъ, при чемъ хронологія должна была быть проводима отдѣльно при каждомъ особомъ смыслѣ слова, но не соблюдаема при выпискахъ изъ св. писанія, помѣщаемыхъ впереди другихъ примѣровъ. Въ концѣ статей Измаиль Ивановичъ приводилъ сближенія съ иностранными словами — дополненіе послѣднихъ лѣтъ его работы надъ словаремъ.

Приступая къ печатанію Словаря Измаила Ивановича Срезневскаго вскорѣ послѣ его смерти, Второе отдѣленіе Имп. Академіи Наукъ, взявшее на себя изданіе этого труда, первоначально предположило печатать Словарь „въ томъ совершенно видѣ, въ какомъ онъ оставленъ покойнымъ“. При болѣе близкомъ ознакомленіи съ этимъ трудомъ оказались невозможнымъ остаться при такомъ предположеніи, такъ какъ значительная часть карточекъ была еще не въ совершенномъ порядкѣ, часто безъ выписокъ изъ памятниковъ, а лишь съ глухими ссылками, указывающими на страницы изданій или листы рукописей; кромѣ того часть Словаря заключалась въ самостоятельныхъ словаряхъ къ отдѣльнымъ памятникамъ или изданіямъ памятниковъ; наконецъ по сохранившимся указаніямъ Измаила Ивановича словарный матеріалъ долженъ былъ быть дополненъ выписками словъ, отмѣченныхъ имъ въ нѣкоторыхъ изданіяхъ. Эти обстоятельства, сообщенныя Отдѣленію Я. К. Протомъ въ засѣданіи 13 марта 1881 г., повели за собой нѣкоторыя измѣненія въ первоначальномъ планѣ Отдѣленія, вслѣдствіе чего было рѣшено печатать Словарь не въ томъ „видѣ“, а въ томъ „объемѣ“, въ какомъ онъ былъ найденъ послѣ смерти Измаила Ивановича; при этомъ было присовокуплено желаніе Отдѣленія „не слишкомъ затруднять приведеніе Словаря въ порядокъ различными требованіями его улучшенія“ и лишь провѣрить нѣкоторыя выписки изъ памятниковъ. Вслѣдствіе такого рѣшенія Отдѣленія словарный матеріалъ, оставшійся послѣ смерти Измаила Ивановича, былъ по возможности приведенъ въ порядокъ и выписки изъ памятниковъ были провѣрены по изданіямъ, снимкамъ, спискамъ или подлиннымъ рукописямъ. При всѣхъ работахъ надъ Словаремъ было принято за правило держаться того образца, который оставленъ Измаиломъ Ивановичемъ въ видѣ поправленнаго и переработаннаго имъ самимъ корректурнаго листа, напечатаннаго въ 1866—68-мъ году. Единственнымъ дополненіемъ къ Словарю является указатель встрѣчающихся въ немъ сокращеній въ ссылкахъ при выпискахъ изъ памятниковъ. Необходимо оговорить, что этотъ указатель составленъ на основаніи лишь перваго тома, почему не можетъ имѣть притязанія на совершенную полноту. Вмѣстѣ съ тѣмъ надо сказать, что нѣкоторыя ссылки не удалось объяснить вполне точно, главнымъ образомъ по тому, что осталось очень мало указаній на то, какою рукописью Измаиль Ивановичъ пользовался въ томъ или другомъ случаѣ; таковы ссылки при выпискахъ изъ Временника Георгія Амартола, изъ нѣко-

1) Записка 28 апрѣля 1866 г.